

УДК 342.59
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-374-382
EDN XVCRVC

Компетенция органов государственной власти как определяющий фактор их самостоятельности

¹ Кравцова Е.А., ² Митякина Н.М.

¹ Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
kravtsova_e@bsuedu.ru, mityakina@bsuedu.ru

Аннотация. Значимость органов государственной власти определяется наличием у них компетенции и степенью самостоятельности при ее реализации. Ясная и однозначная правовая регламентация деятельности органов государственной власти по реализации их компетенции призвана обеспечивать четкое функционирование всего государственного аппарата. Однако в настоящее время в правовых положениях, посвященных компетенции государственных органов, имеются дискуссионные аспекты, на решение которых и направлено настоящее исследование. Целью работы является выработка авторского подхода к правовому понятию «компетенция органа государственной власти» и его содержанию. В результате анализа феномена самостоятельности органов государственной власти сделан вывод, что она проявляется через реализацию ими компетенции. Дано определение компетенции государственного органа как нормативно закрепленной системы прав и обязанностей (полномочий) в пределах установленных предметов ведения и территориальной юрисдикции, что вносит вклад в науку конституционного права, помогая обеспечению четкости правовой терминологии, развитию конституционно-правового анализа.

Ключевые слова: орган государственной власти, компетенция государственного органа, полномочия государственного органа, разграничение предметов ведения, разграничение полномочий, самостоятельность органа государственной власти

Для цитирования: Кравцова Е.А., Митякина Н.М. 2025. Компетенция органов государственной власти как определяющий фактор их самостоятельности. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 50(2): 374–382. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-374-382 EDN: XVCRVC

Competence of Public Authorities as a Determining Factor of their Independence

¹ Elena A. Kravtsova, ² Nadezhda M. Mityakina

¹ Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation

² Belgorod State National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
kravtsova_e@bsuedu.ru, mityakina@bsuedu.ru

Abstract. The importance of public authorities is determined by their competence and the degree of independence in implementing it. Clear and unambiguous legal regulation of the activities of public authorities in implementing their competence is intended to ensure a smooth functioning of the entire

state apparatus. At present, however, there are controversial aspects in the legal provisions devoted to the competence of public authorities. The article is aimed at solving these controversies. The purpose of the study is to develop the authors' approach to the legal concept of "a public authority's competence" and its content. Analysis into the phenomenon of public authorities' independence reveals that it is manifested through the implementation of their competence. The authors suggest a definition for a state body, thus contributing to the science of constitutional law, ensuring the clarity of legal terminology and developing constitutional and legal analysis. A state body is defined as a normatively enshrined system of rights and obligations (powers) within the established subjects of jurisdiction and territorial jurisdiction.

Keywords: government body, competence of a government body, powers of a government body, delimitation of areas of jurisdiction, delimitation of powers, independence of a government body

For citation: Kravtsova E.A., Mityakina N.M. 2025. Competence of Public Authorities as a Determining Factor of their Independence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50 (2): 374–382 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-2-374-382 EDN: XVCRVC

Введение

Современный период развития государства и права требует от органов власти не только эффективного выполнения возложенных на них функций, но и достаточной степени самостоятельности в принятии решений. В условиях усложнения социально-экономических и политических процессов возникает вопрос: насколько компетенция государственных органов определяет их независимость и способность реагировать на вызовы времени?

Различным аспектам тематики компетенции государственных органов посвящены несколько современных монографических исследований. Так, в центре внимания в коллективной монографии «Конституционные основы разграничения полномочий между органами публичной власти» [Конституционные..., 2020] находится поиск оптимальной модели взаимодействия между различными уровнями публичной власти, которая, с одной стороны, гарантирует устойчивость государственной системы и сохранение ее единства, а с другой - создает необходимые условия для эффективной реализации конституционных полномочий субъектов Российской Федерации.

Значительная часть фундаментального исследования Б.В. Россинского [2023] посвящена исследованию организационно-правовых основ функционирования исполнительной власти, ее месту и роли в обеспечении стабильности государственного механизма. Монография А.Г. Чернявского [2024] посвящена существеннейшему, а вместе с тем спорному вопросу в области теории государственного права, а именно – теории разделения властей, что не может не затрагивать компетенцию государственных органов.

Тем не менее в теме компетенции органов государственной власти и их самостоятельности остаются спорные и нерешенные вопросы. К таковым относится, например, понятие и содержание компетенции государственных органов. Недостаточная проработка аспекта компетенции властных органов в научной литературе приводит к противоречиям в понимании механизмов укрепления власти, что требует более глубокого анализа.

Целью данного исследования является выработка авторского подхода к правовому понятию «компетенция органа государственной власти» и его содержанию.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили правовые тексты и доктринальные позиции в конституционном праве, а также нормативно-правовые акты Российской Федерации, включая Конституцию РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, регламентирующие деятельность государственных органов.

В исследовании использовались как общенаучные, так и специальные юридические методы. Применялись методы системного анализа, сравнительно-правового исследования и формально-юридического толкования норм. Системный подход позволил рассмотреть компетенцию органов власти в контексте их взаимодействия, а сравнительно-правовой метод – выявить изменения особенностей распределения полномочий государственных органов в ретроспективе. С помощью формально-юридического метода анализировались правовые предписания на основе их буквального содержания, текст закона исследовался с точки зрения его грамматической структуры, логических связей между терминами, а также системного места нормы в правовом акте.

Понятие компетенции органов государственной власти

Общеизвестно, что органы власти обладают самостоятельностью в пределах собственных полномочий. Самостоятельность органов государственной власти представляет собой внутренне присущее им качество, которое внешне выражается в их независимости от постороннего влияния и способности принимать решения исходя из собственной воли и внутренних мотивов. Изучение нормативного регулирования самостоятельности функционирования органов государственной власти показало, что во внутренней деятельности она проявляется в основном через решение процедурных вопросов, например, органы законодательной власти действуют на основании регламентов, в которых устанавливается процедура принятия ими нормативных актов и осуществления их деятельности в целом. Результаты внутренней деятельности органов государственной власти проявляются вовне в виде принятых нормативных актов или иных решений, оказывая влияние на внешние правоотношения, непосредственно затрагивая деятельность других органов и организаций, а также граждан, проживающих на соответствующей территории. Наличие внутренней самостоятельности таких органов является определяющим при принятии наиболее обоснованных, востребованных и актуальных нормативных актов в рамках собственных полномочий. Однако именно наличие собственной компетенции является внешним показателем степени самостоятельности данных органов.

В русском языке термин «компетенция» имеет двойственное значение: с одной стороны, он обозначает сферу знаний, в которой человек обладает высокой осведомленностью, а с другой – круг официальных полномочий или вопросов, находящихся в чьем-либо ведении¹. В юридической литературе не выработан единый подход к содержанию данного понятия. Так, в Большом юридическом словаре указывается: «Компетенция – совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного государственного органа или должностного лица, определяющих его место в системе государственных органов»². Изучение научных трактовок термина «компетенция» показывает, что его содержание может пониматься в широком или узком смысле. Приверженцы классического (узкого) подхода рассматривают компетенцию исключительно как круг прав и обязанностей, делегированных государственному органу в рамках его деятельности [Бондаренко, 2006; Еремин, 2014]. Сторонники широкого подхода включают в понятие «компетенция» широкий круг элементов. Так, Б.М. Лазарев [1972, с. 55] считает, что в содержание данного понятия необходимо включить круг подведомственных данному органу вопросов и территорию его деятельности; Ю.А. Тихомиров [2001, с. 55] – цели создания и деятельности государственного органа и предметы его ведения. В научной дискуссии о содержании термина «компетенция» Ц.А. Ямпольская [1958, с. 11] предлагают расширить

¹ Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1994.

² Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2002.

его понимание, включив в качестве обязательного элемента задачи, стоящие перед государственным органом. В свою очередь, И.Л. Бачило [1976, с. 52] – дополняет это определение, подчеркивая важность функций как неотъемлемой составляющей компетенции государственных институтов. Его позицию разделяет и В.Х. Махов [2005, с. 15].

Рассмотрим вышеприведенные точки зрения. Странники узкого подхода рассматривают компетенцию как совокупность прав и обязанностей (полномочий). Данный подход полностью согласуется с позицией, выраженной в действующих нормативных актах. Позиция Б.М. Лазарева [1972, с. 55] также обоснована и вытекает из норм действующего законодательства.

Сфера территориального действия государственного органа находится в прямой зависимости от его места в системе власти – является ли он федеральным институтом или относится к уровню субъектов РФ, что закреплено в конституционном разграничении полномочий между центром и регионами¹. Необходимость включать круг подведомственных вопросов в понятие компетенции вытекает из норм Конституции РФ, в которой неоднократно используется термин «предметы ведения». Так, федеративное устройство Российской Федерации основано на разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов РФ (ст. 71, 72 Конституции РФ). Считаем, что предметы ведения и полномочия являются составной частью компетенции и именно разграничение компетенции органов государственной власти позволяет соблюдать данные статьи Конституции.

Точка зрения, высказанная Ю.М. Тихомировым [2001, с. 55], близка нам лишь отчасти. Так, мы не считаем возможным включить в состав понятия «компетенция» цели создания и деятельности государственного органа. При этом можно согласиться с Ю.М. Тихомировым в части включения в состав понятия «компетенция» предметов ведения. В ранее проведенных исследованиях, рассматривая составляющие понятия «правовой статус», мы включили одним из его самостоятельных элементов «цели создания и деятельности государственного органа» [Кравцова, 2016], поэтому включение указанного компонента в состав понятия компетенция повлечет частичное дублирование содержания понятий, что является неприемлемым с позиции логики. Если же определять понятие «правовой статус» в рамках узкого подхода, воспринимая его как компетенцию государственного органа, то точка зрения Ю.А. Тихомирова будет вполне обоснована.

Предложение рассматривать задачи госоргана как элемент компетенции, выдвинутое Ц.А. Ямпольской, [1958, с. 11] представляется спорным. Если понимать задачи исключительно как производные от целей деятельности органа, то подобный подход может быть обоснован лишь в рамках узкой трактовки правового статуса, что существенно ограничивает его теоретическую ценность. Если обратиться к действующему законодательству, то законодатель, как правило, также указывает цель создания государственного органа и обозначает задачи, с помощью которых цель может быть достигнута. Например, в статье 1 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»² сформулированы цели конституционного судопроизводства, а скажем, статья 5 Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»³ перечисляет основные задачи арбитражных судов в Российской Федерации. Таким образом, мы считаем, что рассматривать задачи в качестве отдельного элемента и включать их в состав понятия «компетенция» нет необходимости.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993. Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

² Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

³ Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации». СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

И.Л. Бачило [1976, с. 52] и В.Х. Махов [2005, с. 15] считают, что составляющим элементом компетенции являются возложенные на государственный орган функции. Рассматривая необходимость включения данного элемента в понятие «компетенции», мы полностью разделяем точку зрения Б.М. Лазарева, который по данному поводу писал: «Функции управления сами по себе явления, конечно, не юридические, и поэтому они не могут быть элементами компетенции. Но законодательство возлагает на соответствующие органы выполнение тех или иных управленческих функций, причем в различных комбинациях и применительно к различным управляемым объектам. В результате у органа возникает право и обязанность осуществлять определенные управленческие функции в определенной сфере. Такие права и обязанности и есть один из элементов компетенции органов управления. Всякое субъективное право или обязанность есть вид и мера соответственно юридически возможного или юридически необходимого поведения (деятельности)» [Лазарев, 1972, с. 40].

Таким образом, можно дать авторское определение компетенции государственного органа как нормативно закрепленной системы прав и обязанностей (полномочий) в пределах установленных предметов ведения и территориальной юрисдикции.

Содержание компетенции государственных органов

Через реализацию компетенции как основного элемента правового статуса любого государственного органа происходит внешнее проявление самостоятельности органов государственной власти, осуществляется воздействие на правоотношения. Чем больше вопросов отнесено к компетенции того или иного органа, тем больше его самостоятельность и значимость в общем механизме управления государством.

Анализ научных трудов показал, что понятие «компетенция» состоит из двух основных компонентов – предметов ведения и полномочий, которые закреплены за каждым конкретным органом по предметам ведения. Данный вывод подкрепляется также п. 3 ст. 5 Конституции РФ, в которой закреплен принцип «разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации»¹.

Как отмечалось выше, в настоящее время нет легального закрепления понятия «компетенция органов государственной власти», как нет и описания его содержания. Однако конституционное разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и её субъектами (ст. 71, 72 Конституции РФ) свидетельствует о том, что ключевые сферы правового регулирования сосредоточены либо в исключительной федеральной компетенции, либо в совместном ведении. В этой системе координат реальная автономия регионов проявляется главным образом через объём полномочий, которые федеральный центр делегирует субъектам Федерации в рамках совместных предметов ведения.

В 2003 году был предпринят первый значимый шаг по разграничению полномочий в сфере совместного ведения. В утратившем ныне силу Федеральном законе № 184-ФЗ² впервые из конституционного перечня предметов совместного ведения была выделена особая категория региональных полномочий. Эти исключительные прерогативы субъектов Федерации должны были реализовываться ими самостоятельно, включая полное финансовое обеспечение за счет средств региональных бюджетов.

Конституционные поправки 2020 года, провозгласившие принцип единой публичной власти, инициировали масштабную реформу системы государственного управления. Это

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

² Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

потребовало переосмысления существующей модели распределения компетенций и привело к разработке нового пакета законодательных инициатив. Одним из таких законов стал Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – закон № 414-ФЗ), который пришел на смену закону № 184-ФЗ. Несмотря на явное преемство общего нормативного регулирования, нормативные предписания закона № 414-ФЗ внесли изменения в систему распределения полномочий между органами государственной власти субъектов РФ и федеральными органами государственной власти (глава 7 указанного закона).

Анализ законодательных новелл показывает, что Федеральный закон № 414-ФЗ, закрепивший в главе 7 перечень региональных полномочий, демонстрирует количественный рост компетенции субъектов РФ со 129 (по закону № 184-ФЗ) до 173 позиций. Однако содержательное наполнение этого расширения свидетельствует не о принципиальном изменении политики федерального центра в сторону децентрализации полномочий, а о систематизации и консолидации тех полномочий субъектов Федерации, которые ранее были рассредоточены по различным нормативным актам. По сути, законодатель осуществил не делегирование новых прерогатив, а инкорпорацию уже существующих региональных полномочий в единый нормативный массив. Например, полномочие по участию органов государственной власти субъектов РФ в экологическом мониторинге уже было закреплено ранее в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» (ст. 6). Полномочия в сфере недропользования (пункты 78–81 ч. 1 ст. 44) уже были предусмотрены Законом РФ «О недрах», полномочия по организации социальной помощи малоимущим гражданам (на первый взгляд – новелла) на самом деле уже закреплены в профильном федеральном законодательстве о социальной помощи. Таким образом, как справедливо отмечает А.А. Меркуленко, «в статье 44 Федерального закона № 414-ФЗ на субъекты РФ не были возложены новые полномочия, а была произведена попытка привести перечень региональных полномочий в соответствие с отраслевым федеральным законодательством» [Меркуленко, 2024, с. 76]. Следует согласиться с авторами, высказывающими точку зрения о том, что даже расширенный перечень полномочий субъектов РФ, закрепленный в законе № 414-ФЗ, значительно уже, чем реальное количество их полномочий, закрепленное в массиве федерального законодательства [Ирхин, 2020, с. 38]. При этом федеральный законодатель постарался дать наиболее емкие, обобщенные формулировки полномочий субъектов Федерации, раскрывая общую роль субъектов по тем или иным направлениям деятельности.

Хотя закон № 414-ФЗ систематизировал полномочия регионов по вопросам совместного ведения, говорить о реальном усилении самостоятельности субъектов РФ преждевременно. Новый закон, как и предыдущий № 184-ФЗ, сохранил за федеральным центром право регулировать любые вопросы, формально отнесенные к компетенции регионов. Единственной сферой, где субъекты Федерации получили полную автономию, осталось распределение собственных бюджетных средств, все остальные условно «региональные» полномочия по-прежнему могут быть скорректированы федеральным законодателем. Рассматривая данные нормативные предписания, Т.Я. Хабриева писала, что они предоставляют федеральным органам государственной власти неограниченные возможности по вмешательству в деятельность субъектов РФ, осуществляя регулирование практически любых правоотношений на федеральном уровне [Хабриева, 2003, с. 123]. Аналогичную точку зрения высказывали, Н.М. Добрынин [2006], М. Глигич-Золотарева [2007]. Несмотря на негативные оценки ученых данной нормы, она была перенесена из закона № 184-ФЗ в закон № 414-ФЗ, и в настоящее время авторы продолжают акцентировать внимание на том, что она позволяет федеральным органам государственной власти полностью контролировать деятельность субъектов РФ и дает возможность в любое время лишить их возможности самостоятельности в регулировании исполнения собственных полномочий [Ковалев, Мухачев, 2024].

Заключение

Подводя итог вышесказанному, предлагаем авторское определение компетенции государственного органа как нормативно закрепленной системы прав и обязанностей (полномочий) в пределах установленных предметов ведения и территориальной юрисдикции. Именно через реализацию такой компетенции проявляется фактическая самостоятельность органов публичной власти.

Предложенное определение вносит ясность в дискуссии о природе самостоятельности публичных органов. Оно систематизирует признаки компетенции (нормативная закрепленность, сочетание прав и обязанностей, территориально-предметные границы); устанавливает прямую связь между реализацией компетенции и фактической автономией власти; может служить методологической основой для сравнительных исследований в федеративных государствах.

Изучение компетенции органов государственной власти субъектов РФ показало, что в условиях действующего правового регулирования автономия субъектов Федерации в сфере совместного ведения остается достаточно условной. Согласно п. 3 ст. 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» федеральный законодатель в любой момент может полностью или частично ограничить региональные полномочия путем принятия соответствующих нормативных актов. Этот вывод создает основу для дальнейшего изучения конституционно-правовых механизмов защиты региональной автономии.

Список литературы

- Бачило И.Л. 1976. Функции органов управления. М., 198 с.
- Бондаренко А.А. 2006. Административно-правовой статус органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации в условиях административной реформы: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 26 с.
- Глигич-Золотарева М., Добрынин Н. 2007. Разграничение компетенции: от предела полномочий к устойчивому развитию. *Федерализм*, 4: 5-24.
- Добрынин Н.М. 2006. Федерализм и конституционализм России: соотношение, реальность, конформизм. *Право и политика*, 8: 73-82.
- Еремин А.М. 2014. Соотношение понятий «компетенция» и «полномочие» применительно к Росимуществу. *Современное право*, 9: 74-76.
- Ирхин И.В. 2020. О некоторых инструментах оптимизации механизма реализации субъектами Российской Федерации полномочий по предметам совместного ведения с Российской Федерацией. *Журнал российского права*, 9: 32-43.
- Ковалев М.Д., Мухачев И.В. 2024. Изучение отдельных вопросов правореализации при передаче государственных полномочий от РФ к субъектам РФ. *Тенденции развития науки и образования*, 109-7: 190-192.
- Конституционные основы разграничения полномочий между органами публичной власти: Монография. 2020. Под ред. Л.В. Андриченко, А.Е. Постникова. М., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 237 с.
- Кравцова Е.А. 2016. К вопросу о содержании понятия «правовой статус государственных органов». *Конституционное и муниципальное право*, 7: 9-13.
- Лазарев Б.М. 1972. Компетенция органов управления. М., 280 с.
- Махов В.Х. 2005. Контрольные функции органов государственной власти Российской Федерации в условиях проведения административной реформы: автореферат диссертации кандидата юридических наук. М., 23 с.
- Меркуленко А.А. 2024. Компетенция субъектов Российской Федерации: тенденции конституционно-правового регулирования: диссертация кандидата юридических наук. М., 307 с.
- Россинский Б.В. 2023. Исполнительная власть в системе государственного управления. М., 376 с.
- Тихомиров Ю.А. 2001. Теория компетенции. М., 351 с.

- Хабриева Т.Я. 2003. Разграничение законодательной компетенции Российской Федерации и ее субъектов. В кн.: Соотношение законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации. М.: 118-124.
- Чернявский А.Г. 2024. Генезис возникновения и развития теории разделения властей до конца XIX века: место учения в науке государственного права. М., 435 с.
- Ямпольская Ц.А. 1958. Субъекты советского административного права: автореферат диссертации доктора юридических наук. М., 38 с.

References

- Bachilo I.L. 1976. Funkcii organov upravleniya [Functions of governing bodies]. М., 198 p.
- Bondarenko A.A. 2006. Administrativno-pravovoj status organov ispolnitel'noj vlasti sub"ekta Rossijskoj Federacii v usloviyah administrativnoj reform [Administrative and legal status of executive authorities of a constituent entity of the Russian Federation in the context of administrative reform]: Abstract. dis. ... cand. leg. sciences. Moscow, 26 p.
- Gligich-Zolotareva M., Dobrynin N. 2007. Razgranichenie kompetencii: ot predela polnomochij k ustojchivomu razvitiyu [Delineation of Competences: From Limits of Authority to Sustainable Development]. *Federalizm*, 4: 5-24.
- Dobrynin N.M. 2006. Federalizm i konstitucionalizm Rossii: sootnoshenie, real'nost', konformizm [Federalism and Constitutionalism of Russia: Correlation, Reality, Conformism]. *Pravo i politika*, 8: 73-82.
- Eremin A.M. 2014. Sootnoshenie ponyatij «kompetenciya» i «polnomochie» primenitel'no k Rosimushchestvu [The relationship between the concepts of «competence» and «authority» as applied to the Federal Property Management Agency]. *Sovremennoe pravo*, 9: 74-76.
- Irhin I.V. 2020. O nekotoryh instrumentah optimizacii mekhanizma realizacii sub"ektami Rossijskoj Federacii polnomochij po predmetam sovmestnogo vedeniya s Rossijskoj Federaciej [On some instruments for optimizing the mechanism for implementing powers by subjects of the Russian Federation on matters of joint jurisdiction with the Russian Federation]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 9: 32-43.
- Kovalev M.D., Muhachev I.V. 2024. Izuchenie otdel'nyh voprosov pravorealizacii pri peredache gosudarstvennyh polnomochij ot RF k sub"ektam RF [Study of individual issues of law enforcement during the transfer of state powers from the Russian Federation to the subjects of the Russian Federation]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 109-7: 190-192.
- Konstitucionnye osnovy razgranicheniya polnomochij mezhdru organami publichnoj vlasti: Monografiya [The constitutional basis for the division of powers between public authorities: Monograph]. 2020. Pod red. L.V. Andrichenko, A.E. Postnikova. М., Institut zakono-datel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 237 s.
- Kravcova E.A. 2016. K voprosu o sodержanii ponyatiya "pravovoj status gosudarstvennyh organov" [On the content of the concept of "legal status of state bodies"]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 7: 9-13.
- Lazarev B.M. 1972. Kompetenciya organov upravleniya [Competence of governing bodies]. М., 280 p.
- Mahov V.H. 2005. Kontrol'nye funkcii organov gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj Federacii v usloviyah provedeniya administrativnoj reformy [Control functions of state authorities of the Russian Federation in the context of administrative reform]: Abstract. dis. ... cand. leg. sciences. Moscow, 23 p.
- Merkulenko A.A. 2024. Kompetenciya sub"ektov Rossijskoj Federacii: tendencii konstitucionno-pravovogo regulirovaniya [Competence of the subjects of the Russian Federation: trends in constitutional and legal regulation]: Dis. ... cand. leg. sciences. Moscow, 307 p.
- Rossinskij B.V. 2023. Ispolnitel'naya vlast' v sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Executive power in the public administration system]. М., 376 p.
- Tihomirov Yu.A. 2001. Teoriya kompetencii [Competence theory]. М., 351 p.
- Habrieva T.Ya. 2003. Razgranichenie zakonodatel'noj kompetencii Rossijskoj Federacii i ee sub"ektov [Delimitation of legislative competence of the Russian Federation and its subjects]. In: Sootnoshenie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii i zakonodatel'stva sub"ektov Rossijskoj Federacii [The relationship between the legislation of the Russian Federation and the legislation of the subjects of the Russian Federation]. М.: 118-124.
- Chernyavskij A.G. 2024. Genезis vozniknoveniya i razvitiya teorii razdeleniya vlastej do kon-ca XIX veka: mesto ucheniya v nauke gosudarstvennogo prava [The genesis of the emergence and

development of the theory of separation of powers until the end of the 19th century: the place of teaching in the science of public law]. М., 435 p.

Yampol'skaya С.А. 1958. Sub"ekty administrativnogo prava [Subjects of Soviet administrative law]: Abstract. dis. ... doct. leg. sciences. Moscow, 38 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025

Received April 15, 2025

Поступила после рецензирования 23.05.2025

Revised May 23, 2025

Принята к публикации 18.06.2025

Accepted June 18, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кравцова Елена Александровна, доктор юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Elena A. Kravtsova, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia.

Митякина Надежда Михайловна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Nadezhda M. Mityakina, Candidate of Law Sciences, Head of the Department of Labor and Entrepreneurial Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.